УДК 343.97 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-143-147

НРАВСТВЕННОСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО АССИСТИРОВАНИЯ САМОУБИЙСТВУ

Пащенко Елена Анатольевна кандидат юридических наук, доцент, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: pashenkoea@mail.ru

Аннотация

В статье поставлен вопрос о балансе нравственных и правовых установок в отдельных составах преступлений. Автором анализируются, с позиции нравственной оценки, изменения уголовного законодательства, связанные с дополнением квалифицированными признаками ст. 110 УК РФ и введением ст. ст. 110.1 и 110.2 УК РФ. Автор сопоставляет моральную и уголовно-правовую обоснованность криминализации составов квалифицированного доведения до самоубийства, склонения и содействия самоубийству потерпевшего, организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Ключевые слова*: нравственность, уголовный закон, криминализация, субъект преступления, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству.*

Нормы нравственности и права формируют баланс социальных установок, при этом нормы нравственности шире и универсальнее. Нравственность проявляется в формировании правовых запретов государства, нравственная обусловленность является гарантией положительной социальной направленности системы уголовно-правовых норм.

Нравственность и уголовное право связаны исторически и имеют общие корни, уходящие в догосударственную эпоху. Нравственный запрет выполнял функцию уголовно-правового регулятора в древнем обществе. Генетическая связь этих социальных явлений предопределила их взаимовлияние, сохраняющееся до настоящего времени [1, с. 24 – 32].

Сложно оценивать деяние с позиции соблюдения нравственных начал, если деяние криминализировано не в трансформации из административной ответственности, а с «чистого листа». Появление уголовно-правового запрета возможно только в случае отсутствия барьеров других отраслей на пути противоправного поведения и целесообразности криминализации в долгосрочной функциональной перспективе. Обоснованность уголовно-правовых запретов диктуется экономической и социальной потребностью в них.

Упречность некоторых конструкций Особенной части с позиции соблюдения нравственных установок уже была предметом дискуссий. Так, состав ст. 205.6. «Несообщение о преступлении» УК РФ[1], возрожденный после громогласного отказа от доносительства о преступлении и укрывательства преступлений, подвергся критике как нару-

[1] Федеральный закон от 06.07.2016 N 375-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" // Российская газета, N 150, 11.07.2016, Собрание законодательства РФ, 11.07.2016, N 28, ст. 4559.

шающий политику невмешательства государства во внутренний выбор человека, нравственного выбора в пользу демократизации уголовного закона.

Спустя год после введения в состав уголовного закона нормы о несообщении о преступлении законодатель вновь усиливает контроль на территориях, граничащих с индивидуальным выбором, глубоко личным правом, тонкими категориями и очень неоднозначными оценками криминологов. На сей раз квалифицирующими признаками дополнена ст. 110 «Доведение до самоубийства» УК РФ и установлена ответственность по ст. ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» УК РФ[1].

Психиатры и социологи отмечают в жизни каждого человека хотя бы однократное искушение выбором между жизнью и смертью. Это основание позволяет отнести суицид к постоянным негативным социальным явлениям, характеризующимся стабильным процентом людей, добровольно лишающих себя жизни. На фоне достаточно стабильных общих показателей суицидов, изменения коснулись возрастных показателей самоубийц: в настоящее время он охватывает самую перспективную в эволюционной оценке часть человечества – лиц в возрасте от 15 до 29 лет.

Надо обозначить собственное видение целесообразности криминализации составов ст. ст. 110.1, 110.2 УК РФ – оно исключительно положительное. Основание криминализации рассматриваемых составов заключалось в развитии ранее не свойственных обществу отношений по доведению, склонению и способствованию совершению самоубийств с использованием интернет-технологий. Такого развития дистанционного психологического агрессивного воздействия никто не ожидал и готов к нему не был. Громом отозвался 2016 год – нравственные категории не удержали ситуацию, они не сработали, не остановили виновных в склонении к самоубийствам. В 2016 г. из жизни в результате самоубийства ушли 720 несовершеннолетних. За период с 2013 г. по 2016 г. совершили самоубийство 2 205 детей[2].

По этой причине говорить о нравственности применительно к составам ассистирования совершению самоубийств, безусловно, можно. Эффективность уголовного законодательства по обеспечению поставленных перед ним задач напрямую зависит от уровня нравственности уголовно-правовых норм и положений. В случае отсутствия нравственной составляющей в уголовно-правовом запрете соблюдение данного запрета, его превентивная роль снижаются.

Самоубийство – это собственный выбор из определяемой человеком ситуации безвыходности, которая обусловливает его личную жизненную катастрофу. На индивидуальный выбор влияют физические, моральные страдания, оцениваемые как не совместимые с жизнью. Самоубийство, если это не инсценировка и не завуалированное убийство, – грань, до которой доходит бесповоротно отчаявшийся человек. Но закон вмешивается в отношения по охране интересов самоубийц только тогда, когда инициатива на суицид принадлежит не самому потерпевшему, а третьим лицам.

Выбор самоубийцы осуждают религии, общество. Нельзя не упомянуть тяжести ситуации для близких людей. Соответствует ли личный выбор требованиям нравственности, сила или слабость усматриваются в его реализации?

---

[1] Федеральный закон от 07.06.2017 N 120-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению" // Российская газета, N 125, 09.06.2017, Собрание законодательства РФ, 12.06.2017, N 24, ст. 3489.

[2] Пояснительная записка "К проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению". Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://asozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 09.03.2017 // СПС "КонсультантПлюс".

Религиозные учения в разной степени осуждают самоубийства. Библия поучительно описывает гибель Авимелеха (Судей 9:52-54), Самсона (Судей 16:25-30), Саула (1 Царств 31:1-4), оруженосца Саула (1 Царств 31:5), Ахитофела (2 Царств 17:23), Замврия (3 Царств 16:15-20), наконец, Иуды (Иоанна 6:71). Переводы смыслов Корана напрямую отмечают: "...Я не властен принести... себе вред, если того не пожелает Аллах" (7:188). К сказанному следует добавить практику религиозных самосожжений буддистов. Во всех случаях критерием греховности причинения себе смерти выступает цель и мотив принятого решения о прекращении жизни. Единственным благородным побуждением для такого самопожертвования выступает борьба с несправедливостью (злом) [2, с. 57 – 60]. Религиозные убеждения сформировали правовые нормы исламского права и повлияли на моральное содержание светского законодательства.

В 2015 г. в средствах массовой информации появились первые сообщения о существовании в русскоязычном сегменте Интернета сообществ, получивших название "группы смерти", целью которых является склонение несовершеннолетних к самоубийству. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства на тот момент предусматривалась ст. 110 УК РФ, конструкция объективной стороны которой, однако, не позволяла квалифицировать данное деяние как склонение несовершеннолетних к самоубийству [3, с. 33 – 37].

Низость внутренних качеств, вероятно пережитые виновным личные драмы и образовавшиеся комплексы дали чудовищный результат. Виновные подбирали потерпевших податливых, внушаемых, «удобных» для собственных экспериментов по доведению до самоубийств. Иллюзия власти над потерпевшими, повышение собственной значимости и влиятельности вели к осуществлению опытов над жизнями потерпевших. Над потерпевшими отрабатывали техники психологического убеждения, постепенно подводя к границе необратимого выбора, трансформируя сознание от уныния до депрессии и безысходности.

До криминализации статей 110 – 110.2 УК РФ за пределами уголовно-правовой ответственности находилось активное вовлечение в суицидальную деятельность. Законодатель, с не всегда присущей ему оперативностью, изменил уголовно-правовое регулирование. По мнению Н.Е. Крыловой, внесение в уголовный закон рассмотренных изменений продиктовано стремлением законодателя выработать эффективный механизм противодействия сложившейся де-факто общественно опасной системе вовлечения несовершеннолетних лиц в различные формы самоповреждающего и суицидального поведения [4, с. 75 – 82].

В контексте изложенного возникает необходимость установления нравственного содержания уголовно-правовых запретов и определения технико-юридического соответствия норм этическим рамкам. Какова нравственная оценка поведения субъекта, не убивающего, не ассистирующего убийство, а помогающего в суициде человеку, у которого нарушен естественный процесс жизнедеятельности – инстинкт самосохранения. С одной стороны, каждый человек имеет право на решение о сохранении или прекращении жизни, с другой – набор обязательств перед близкими людьми, а также социальные и религиозные отрицательные оценки не позволяют безусловно принять данный шаг.

Нравственной оценке подвергались и другие, связанные с правом на жизнь, решения. Конечно, это касается и права на сохранение или прерывание беременности: биоэтика вопроса крайне сложна и неоднозначна. Женщина распоряжается жизнью не рождённого ребенка, но в географическом пространстве Российской Федерации, как максимально лояльном к прерыванию беременности государстве, такое решение не конфликтует между нравственным и правовым полем. После выводов о многочисленных потерях женщин детородного возраста в результате криминального прерывания беременности для избежания уголовной ответственности были приняты два указа. 5 августа 1954 года Указом Президиума Верховного Совета СССР отменена уголовная ответственность бере-

менных женщин за производство аборта[1]. 23 ноября 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР отменено запрещение производства абортов[2], окончательно изменена государственная политика и предоставлено женщине право решения вопроса о материнстве. В дальнейшем данная привилегия только укреплялась практикой российского и международного права[3], когда право на решение о сохранении или прерывании беременности было отнесено к исключительной прерогативе женщины, независимо от ее социального положения.

Пояснительная записка к законопроекту ориентировала на защиту интересов несовершеннолетних и других беспомощных категорий граждан. При этом воплощение уголовно-правовых запретов расширило состав потерпевших, ими могут быть как несовершеннолетние, так и беременные женщины, иные беспомощные лица, а также два и более потерпевших. Мог ли законодатель вторгаться в сферу, где потерпевший самостоятельно принимает решение об уходе из жизни, имеет ли право государство на контроль такого вмешательства? Охрана возможна при нарушении прав и интересов личности (общества, государства), но совершеннолетний делает свободный выбор, и его интерес к способам, средствам совершения суицида может быть оправдан обстоятельствами, в которых человек находится. Вправе ли законодатель принимать на себя охранную функцию в ситуации самостоятельного, обдуманного, легитимного выбора?

Безответственная агитация суицидального поведения породила болезненный интерес некоторых лиц к данной проблеме и неспособность противостоять демонстрационным соблазнам «эффектного» ухода. С провоцированием суицидов, их оправданием, возвышением идеологии самоубийц сегодняшнее общество не справилось, суицидальные потери государства доказали наличие большого количества людей, не способных к адекватному отбору, цензурированию и контролю информации, способной нанести вред, а именно, ассистировать как самоубийству, так и решению о самоубийстве.

Рассмотренные изменения криминологически оправданы, необходимость установления уголовно-правового контроля в отсутствие социальных сдерживающих механизмов очевидна. Общество не справилось с проблемой ни глобально, ни локально: подростки, ушедшие из жизни, не были асоциальны или изолированы в общении. Однако, ни коллектив образовательного учреждения, ни микросоциум подросткового окружения, ни семья не усмотрели тяжести ситуации, в которой оказался ребенок. Не оказалось рядом ни одного человека, способного на помощь в переживаемом подростком ужасе одинокого поиска выхода из ситуации внешнего подталкивания к суицидальной развязке.

Этико-правовые вопросы заставили задуматься о соотношении нравственных и нормативных запретов. Нравственные механизмы не сдержали преступных намерений лиц, злоупотребляющих доверием потерпевших. Для потерпевших с высокой степенью внушаемости или находящихся в сложных жизненных ситуациях уход из жизни представлялся выходом.

Анализ правоприменительной деятельности по составам ассистирования самоубийству позволяет говорить о том, что ситуации безвыходности зачастую моделировались виновными, а не являлись изначально предопределенными для потерпевших. Организация виновным условий принятия суицида и формирует условие уголовно-правового реагирования, а способы определяют квалификацию деяния субъекта. Социальная оценка безнравственности поведения виновных в ассистировании самоубийствам не выступила ожидаемым барьером преступной деятельности, единственным сдерживающим механизмом явился уголовный закон.

[1] Ведомости Верховного Совета СССР, 1954, № 15.
[2] Ведомости Верховного Совета СССР, 1955, № 22.
[3] Заявление № 8416/79. Дело «Х. против Объединенного Королевства Великобритании».

Литература

1. *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Нравственные основы уголовной ответственности: обзор XIV Международной научно-практической конференции памяти М. И. Ковалева // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2. С. 24 – 32.
2. *Быков А.В*. Уголовно-правовые проблемы криминализации возбуждения суицидального поведения и способствования в совершении самоубийства // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 57 – 60.
3. *Авешникова А.А.* Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // Российский следователь. 2019. № 1. С. 33 – 37.
4. *Крылова Н.Е*. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75 – 82.

Pashenko Elena Anatolyevna, Candidate of Law Sciences, associate Professor, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: pashenkoea@mail.ru

MORALITY AND CRIMINAL LAW CRIMINALIZATION OF THE ACTIONS OF THE SUBJECT CRIMINAL ASSISTANCE TO SUICIDE

Abstract

The article raises the question of the balance of moral and legal attitudes in certain crimes. The author analyses, from the point of view of moral assessment, changes in criminal legislation related to the addition of qualified features of article 110 of the Criminal Code and the introduction of articles 110.1 and 110.2 of the Criminal Code. The author compares the moral and criminal legal validity of criminalizing the compositions of qualified bringing to suicide, inducing and facilitating suicide of the victim, organizing activities aimed at encouraging suicide.

Key words*: morality, criminal law, criminalization, subject of crime, bringing to suicide, inducing to suicide, facilitating suicide.*

References

1. Kozachenko I.YA., Sergeev D.N. Nravstvennye osnovy ugolovnoj otvetstvennosti: obzor XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamyati M. I. Kovaleva // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 2. C. 24– 32.
2. Bykov A.V. Ugolovno-pravovye problemy kriminalizacii vozbuzhdeniya suicidal'nogo povedeniya i sposobstvovaniya v sovershenii samoubijstva // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 11. C. 57 – 60.
3. Aveshnikova A.A. Ob ugolovnoj otvetstvennosti za sklonenie nesovershennoletnih k samoubijstvu // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 1. C. 33 – 37.
4. Krylova N.E. Otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva i prichastnost' k samoubijstvu drugogo lica po ugolovnomu pravu Rossijskoj Federacii: ocenka zakonodatel'nyh novell // Ugolovnoe pravo. 2018. № 1. C. 75 – 82.